

РОМАН О ФЕДОРЕ ВОЛКОВЕ

Автор этого романа является одним из ведущих актёров Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина (б. Александринский театр). До этого дебюта в качестве романиста Б. А. Горин-Горяйнов выпустил в 1939 г. книгу «Мой театральный опыт», а в 1940 г.—сборник новелл «Кулисы». Эти книги отличались живостью и легкостью изложения, умением автора четко и рельефно воскрешать свои давние впечатления и встречи. Темой своего романа хроники Горин-Горяйнов выбрал жизнь и творчество основателя русского театра Ф. Г. Волкова, про которого Белинский писал:

«Вот, например, этот Волков — будь он иностранец, его соотечественники давно бы истребили его жизнь на трагедии, комедии и драмы, оперы, водевили, романы повести, сказки, а у нас нет даже полной его биографии».

С тех пор как были написаны эти строки на русской сцене шли пьесы Шаховского, Григорьева и Куликова—о выдающемся актере, заложившем в Ярославле основы пашего национального театра. Эти произведения, однако, отличались малой исторической достоверностью и еще меньшей художественностью. Лишь современное творческое раскрыло полностью народные источники творчества Волкова и тем открыло возможность романистам и драматургам правильно и убедительно очертировать жизненный и творческий подвиг этого Ломоносова русского театра.

Роман Горин-Горяйнова одновременно и документален и художественен. Его достоинства и недостатки еще раз подтверждают правильность пушкинской формулы построения историко-художественных произведений, согласно которой «догадливость, живость воображения, никакого прелрассудка, любимой мысли», «вольное и широкое изображение характеров» при «угадывании» образа мыслей и языка тогдашних времен», должны помочь писателю дать «изображение согласно с историей» и «всезе выдержанное». Горин-Горяйнов, несомненно, знает коротко, как этого требовал Пушкин, изображаемую эпоху, понимает ясно, верно жизнь и деятельность Волкова, почти везде согласен с историей, и это помогло ему «вольно и широко» воссоздать характеры Волкова, Дмитревского, Шумского, Сумарокова, Тредьяковского и Троепольской.

И одновременно в романе есть и отступления от этой пушкинской поэтики, и тогда автор терпит явную неудачу — таковы эпизоды чтения Херасковым трагедии «Венецианская монахиня» в Обществе любителей российской словесности, разговора Олефельевой о Шекспире и др. — в них нет атмосферы тог-

дашней эпохи, ее мыслей и поэтий, той «выдержанности», которую требовал Пушкин.

Перед читателем романа проходят и спектакль «школьной драмы» в ярославской семинарии, и народные игры «любителей» из рабочих, и первые спектакли Волкова и его труппы, предвосхитившие постановки сумароковских пьес в Петербурге, и «гастроли» ярославцев в столице, причем широко показана литературно-театральная среда, в которой пришлось работать Волкову и его товарищам. Точно так же догадки автора о любви Троепольской и Волкова, об отношениях, якобы существовавших между Волковым и Олефельевой, как и ряд выдуманных им сцен при описании свержения Петра III, — правдоподобны, вероятны.

К сожалению, не везде в романе соблюдела верность характеров — особенно там, где Волков предстает мечтам о будущем всенародном искусстве, и где автор подсказывает Волкову свою собственную «любимую мысль» о русском театре, модернизум, таким образом, его образ. Конечно, этот гениальный человек очень ясно сознавал узость тех придворных рамок, в которые он был втиснут после переезда в Петербург, но это не дает основания делать его «отрицателем» всей тогдашней театральной культуры.

Из желания возможно резче и яснее подчеркнуть далекий от народа стиль тогдашнего театрального классицизма, автор сообщает Волкову черты глубокой меланхолии, разочарованности в своем деле. Однако исторический Волков великолепно усвоил все уроки и опыт классицизма, обогатив и расширив его мотивами и приёмами народных интермедий и «площадных» представлений, кстати сказать, очень живо и рельефно показанных в романе. Вот почему разочарованность героя романа в его творческом деле не кажется нам убедительной, тем более, что последняя его работа—постановка в Москве грандиозного маскарада под заглавием «Торжествующая Минerva» — была торжеством его гения. Одно то, что такое феноменальноное предприятие с участием около 4.000 фигурантов было поручено именно Волкову, показывает, как оценивалось его искусство.

Вопреки старым взглядам о сплошной «подражательности» первоначального русского театра, в романе Горин-Горяйнова очень убедительно раскрыто то новое, оригинальное, самобытное и национальное, что привезли с собой в Петербург ярославские комедианты. Любовь к родине, гордость своим «простонародным» происхождением, уважение к театральному зрителю из народа, широта эстетических взглядов и глубина чувств — всё это свежо и ярко воплощено в образе Волкова, русского художника-новатора.